

НИ БОГУ СВЕЧКА НИ ЧЕРТУ КОЧЕРГА

© Л. Е. КРУГЛИКОВА,
доктор филологических наук

О посредственном, ничем не выделяющемся человеке часто говорят *ни богу свечка ни черту кочерга*. По поводу истории этого выражения существуют, по крайней мере, две версии. Одна представлена В.Г. Руделевым [1], который указывает на то, что до изобретения Константином (в монастыре Кириллом) славянской письменности в конце IX века словене писали “чертами” и “резами”. Древний словенский “чърть” и первая буква глаголицы (одной из двух изначальных славянских азбук, отличающейся от кириллицы более сложным и вычурным рисунком букв), называвшаяся *аз*, имели одни и те же очертания и выглядели как крест. Автор утверждает, что если крест написан плохо – *ни то ни сѣ*, то про писавшего могли сказать – *ни богу свечка ни черту кочерга* [1. С. 26].

Данная точка зрения вызывает сомнения, потому что грамотных людей в ту пору было мало и небрежное написание буквы каким-либо писцом не могло привести к возникновению оборота, широко употреблявшегося в народной речи.

Иная версия выражения выдвигается В.М. Мокиенко, который считает, что в основе оборота лежит противопоставление Боговой свечки и чертовой обгорелой лучины [2. С. 288]. Для доказательства он обращается к диалектным вариантам данного фразеологизма *ни богу свечка ни черту ожег*; *ни богу свечка ни черту огарыш*, где *ожег* и *огарыш*, по его мнению, “обгоревшая лучина”.

В.М. Мокиенко указал на фиксацию этого фразеологизма и в польском языке уже в 1527 году, а в белорусском нашел вариант *ні свечка ні вожаг*, *ні богу свечка ні чорту галавешка*; *ні богу свечка ні чорту рожон*; в украинском – *ні богу свечку ні чортові угарка (огарок)*; *ні богові свічка ні чортові ожог (гожуг, ожуг)*; *ні богові свічка ні чортові голівешка (казанець)*; *ні богові свічка ні лукавому ладан*; в полесье (укр.) говорят – *не богу свеча не чорту вожала*; *ні богові свічка ні чортові огарок (ладан, шпичка, кочерга, рогачилно, надовбень, куришка)*. При этом отмечается, что в качестве общего семантического ядра у всех вариантов компонента *кочерга* в этих оборотах выступает “плохой, чадающий источник света”. Заметим, что из этого ряда все же выбираются существительные *рогачилно* “деревянный ухват”, *надовбень* “деревянная чурка”. Далее В.М. Мокиенко ссылается на то, что прежде *кочерга* была деревянной, а не железной, и в качестве общей семантической ха-

рактеристики, свойственной всем вариантам рассматриваемого фразеологизма, указывает следующую: “предмет из дерева или другого материала, способного гореть”. В результате делается вывод о том, что внутренняя логика этого оборота строится на противопоставлении “Богова” и “чертова” источников света.

Позволим себе высказать некоторые наши соображения относительно происхождения данного оборота.

Противопоставление божественного и бесовского начал, двух главных элементов мироздания: небо и преисподняя, на котором базируются также такие основные оппозиции в мифологической модели мира, как свет – тьма.

Если атрибутом неба является свет, то принадлежностью преисподней – тьма. Свеча – это “кусочек” света. Не случайно существительное *свеча* образовалось от слова *свет* и могло выступать в значении “свет” [3. Вып. 23. С. 155]. Но при этом свеча как источник света играет вспомогательную роль, основное ее назначение служить символом священного огня, своеобразным жертвоприношением Богу, ведь свечи, светильники, лампадки в церкви выполняют прежде всего ритуальную (очищающую) функцию, а не просто утилитарную (освещающую и согревающую). В качестве источника света использовались сальные свечи, а не восковые. Это было записано и в своде законов за 1755 год: “...8. Ладан, восковые пред образа, а сальные для домового употребления свечи” [4. С. 483]. Изготовление церковных свечей из воска было отголоском древнего языческого обряда славян, когда в честь языческих богов они делали жертвоприношение в виде воска, меда, пива в обмен на благополучие общины.

Свеча как символ священного огня присутствует при всех важных событиях в жизни человека: “Потом вдруг во тьме закричал ребенок. – Слава тебе господи! – сказала бабушка. – Мальчик! И зажгла свечу” (М. Горький. Детство); “С[вя]щенник изготовив к обручанью две свечи витые вдвое, и изготоя, пошлют друшку к жениху” [3. Вып. 23. С. 155]; “Свечки зажгут накрест и молятся Богу; две свечки совьют веревочкой и зажгут, молятся Богу” [5]. При кончине человека у смертного одра зажигалась свеча. В руку умирающему давали свечу, освещенную в один из церковных праздников: “А теперь свечку мне дайте, я помирать буду, – сказал Авдеев” (Л. Толстой. Хаджи-Мурат). После смерти человека в церкви ставят свечу перед изображением Иисуса Христа. Самым страшным считалась смерть без покаяния и без свечи. Таким образом, свечи ставились, чтобы защитить человека как в земной, так и в потусторонней жизни.

До того как люди научились изготавливать свечи, их роль выполняли лучины: “Дедовские свечки – лучинки с печки” [3. Вып. 23. С. 156]. В XV веке в Троице-Сергиевой лавре во время всенощных богослужений употреблялись лучинки вместо свечей. В диалектах у слова *свеча*

зафиксировано значение “лучина” [6. Вып. 36. С. 271]. В старину существовал обычай: дубовую колоду (бадняк) едва ли не в человеческий рост, украшали различными тряпицами и лентами, затем зажигали от добытого трением огня (т.е. нового, чистого огня) в самую короткую ночь в году. Она непременно должна была гореть, не угасая, до окончания Святков (6 января ст. стиля). Таким образом, лучина (или шире – кусок дерева, способный гореть) по своей функции аналогична свече, а значит, нет оснований говорить, что «огарок и ожег были “световыми” атрибутами дьявола» [2. С. 289]. Более того, считалось, что черту человек должен приносить жертву даже лучше, чем Богу, чтобы облегчить свое возможное пребывание в аду. Подтверждением этому могут служить высказывания у разных народов, например: болгарская поговорка – *Ако палишъ Богу едну свещъ, дяволу запали две* (если зажигаешь Богу одну свечу, дьяволу зажигай две); французская – *donner une chandelle à Dieu et une au diable* (дать одну свечу Богу, а другую дьяволу); итальянская – *accendere una candela a Dio, una al diavolo* (зажечь одну свечу Богу, другую – дьяволу); сюда же можно отнести и русскую поговорку *Богу молись, а черта не гневи*.

По народным поверьям, проявление неуважения по отношению к нечистой силе могло привести к несчастью, как в “Сказе про кузнеца”, в котором речь идет о Белобог (связанном с добром, чистой, светом, жизнью, со всем хорошим и верхним) и Чернобоге (олицетворении нечистого, злого, всего плохого, низа, тьмы, смерти). Суть сказки такова: у старика стояли в кузнице два жертвенника. Один – Белобогу, другой – Чернобогу. Перед началом работы он приносил жертву обоим, что помогало ему хорошо жить. Пришло время – и кузнец умер, а его место занял сын, который приносил жертву только Белобогу, что и привело его к беде. Но Чернобог сжалился над ним и выручил его из беды. С тех пор кузнец стал почитать и Белобога, и Чернобога.

Не случайно и Чернобог, и Белобог почитались у славян равноценно. Историк XII века Гельмольд (Helmold) в своей “Славянской хронике” (Chronicon Slavorum) писал, что во время пиров славяне пускали по кругу жертвенную чашу, признавая при этом заклинания от имени двух богов – доброго и злого, считая, что всем хорошим они обязаны доброму Богу, а все несчастья исходят от злого Бога, которого они называли дьяволом, или Чернобогом. Весь мир состоит из двух противоположностей, которые проявляют себя как единство и множество, например, белое и черное, мужчина и женщина, верх и низ... В каждом из нас тоже уживаются светлые и темные стороны нашего естества. Так и Белобог с Чернобогом представляют собой некое единство, являются неотъемлемыми составляющими одного целого, а значит, требуют равного поклонения.

Наделение черта источником света (пусть и плохим, в виде чадающей головешки), на наш взгляд, невозможно еще и потому, что черти боятся

огня. Так, со свечой, зажженной в церкви в Чистый четверг, хозяин обходил свой дом, двор, хлев, чтобы защитить хозяйство и семью от сглаза и нечистой силы. Более того, огарок свечи хранили весь год, от него впоследствии поджигали утром дрова в печи, его зажигали перед иконами в день первого выгона скота. Водой, которой был облит огарок свечи, поили больного, чтобы облегчить его мучения. Если же больной все же умирал, то зажигали огарок свечи, когда душа начинала отлетать [7. С. 630–631]. В Смоленской губернии пепел и головешки от костра, зажигаемого в ночь на Ивана Купалу, молодежь разбрасывала во все стороны для избавления от ведьм, при этом приговаривали: “Выйди, ведьма, с нашего жита, а не выйдешь – глаза выжгу” [7. С. 314].

С тьмой ассоциируется ад. Хотя ад – это печь огненная (“...Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут их Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будут плач и скрежет зубов”. Евангелие от Матфея. 13; 41–42), но все же адский огонь не дает света. В аду царствует Сатана с бесами (чертями) в роли усердных палачей для грешников. В качестве их подручного средства (чтобы мешать в печи топливо) выступает кочерга. В пословицах, поговорках, загадках кочерга всегда связывается с печью, огнем, адом, например: “И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой, вместо вил, посадят: все легче” [8. Т. I.]; “В аду и кочерга нам, грешным, пригодится: вместо вил посадят; Суну, посуну в золотую посуду, там пошевелю, назад поворочу” [9. С. 400].

В.М. Мокиенко утверждает, что «черта с кочергой ни в одном из источников мы не встретим. Он обычно изображается с другим “атрибутом” – железной рогатиной, которой и пользуются для подкладывания дров под котел с кипящими в смоле грешниками. Этот образ закреплен пословицей: *Поп с кадилом, черт с рогатиной*» [2. С. 287]. Попутно заметим, что упомянутая рогатина мало чем функционально отличается от кочерги. Остановимся на этом подробнее. Рогатиной в народе называют палку с развилкой на конце. Но рогатина известна и в качестве оружия. Если в более позднее время рогатиной называли разновидность копья с широким и массивным обоюдоострым наконечником, то в глубокой древности рогатина представляла собой шест с насаженными на него бычьими или коровьими рогами [10. Ч. II. С. 116].

Кроме слова *рогатина* от лексемы *рог* образовано и существительное *рожон* “заостренный кол, шест”; некоторые словари дают и другие значения: “деревянный, металлический прут для жарения, копчения, сушки над огнем; вертел”, а в севернорусских говорах есть слово-родственник *рожень* “заостренный кол, которым перемешивают топливо в печке гумна, овина” [6. Вып. 35. С. 156, 151]; в болгарском языке есть слово *ръжен* “кочерга”. Из приведенных примеров становится понятным отмеченный Н.В. Шведовой оборот *черти копыями толкут* [11. С. 281], где речь, по всей видимости, опять же идет об аде. Подобное

употребление находим в стихотворении П. Вяземского “Современные заметки”, где кочергой называется солдатский штык: “Как трехгранной кочергой /Чисто-тульского изделия /Жар сгребали на убой /Им [французам в 1812 г.] на баню новоселья” (1854 г.).

Таким образом, рогатина, рожон, ожег, копые, штык могли использоваться и как оружие, и как орудие для мешания углей, а восходящие к слову *рог* существительные *рогатина*, *рожон* могли обозначать и прямой кол (или копые) и шест с развилкой на конце. Не случайно в диалектах слово *рожон* может служить и для наименования ухвата, железных вил [6. Вып. 35. С. 156]; *рожень* – вилы для носки соломы, *черто-рожина* зафиксировано в качестве бранного со значением “копыл, рожен, торчок; рогатина и пр.” [8. Т. IV], а их украинский “родственник” – полесское *рогачилно* – имеет значение “деревянный ухват”. О том, что ухват и кочерга (в различных ее вариациях) – “родственники”, свидетельствует, во-первых, указание на то, что в Костромской губернии колдуньи, пережигая поле (срезая часть колосьев на поле), ездят по полю верхом на ухвате, а во Владимирской губернии – верхом на кочерге [7. С. 310]; во-вторых, употребление лексемы *кочерги* (во мн.ч.) в значении “все виды ухватов” – *Вон кочерги в кочережнике – ухваты стоят в уголке около печи*. Брян., 1969 [6. Вып. 15. С. 126]; в-третьих, использование слова *кочерёжник* для номинации места около печи, куда ставят кочерги, ухваты, вилки (в диалектах слово *вилки* имеет значение “ухват, рогач”).

Прямой деревянный или металлический прут и прут с изогнутым концом или с развилкой (а также ее подобием) на конце сближает возможность использования и того и другого для мешания топлива. Следовательно, черт с рогатиной – это то же самое, что черт с кочергой. Тем более, что слово *кочерга* образовалось от *кочёра* (*кочера*) “кривая елка”, “суковатое дерево”, “обрубок суковатого дерева”, “пень с кривыми корнями, вырытый из земли; коряга” [6. Вып. 15. С. 126].

В пользу восприятия лексемы *кочерга* в исходном словосочетании, послужившем источником образования фразеологизма *ни богу свечка ни черту кочерга*, как наименования орудия для мешания топлива, говорит также такая деталь в приведенном нами “Сказе о кузнече”, как “ворощение костей” в печи. Аль-Масуди, арабский автор X века, бывавший в славянских землях, отмечал, что в храме Чернобога находился большой идол в виде старика с палкой в руке, которой он двигал кости мертвецов из могил. Таким образом, атрибутом Чернобога (дьявола) является палка для перемешивания мертвого, отжившего, очищения, обновления его с помощью огня, чтобы подготовить бывших грешников к новой жизни.

По поводу же утверждения В.М. Мокиенко “черта с кочергой ни в одном из источников мы не встретим” заметим также, что слово *кочерга*, как и обозначаемый им предмет (клюка, однобокий железный ко-

стыль, прут, согнутый на конце для мешания и сгребания жара), имеет недавнее происхождение (так, слово *кочерга* в привычном для нас значении, по данным “Словаря русского языка XI–XVII вв. “начинает употребляться с XVI в.), чем и объясняется изображение черта с рогатиной, а не с кочергой. Но тем не менее мы нашли и фразеологизмы с совместным употреблением компонентов *черт*, *кочерга* (кроме уже приведенных пословиц, где реализуется связь *ад – кочерга*): “Я те дам сундук запирать, чертова кочерга! – закричал тот, которого мельник назвал князем” (А.К. Толстой. Князь Серебряный); “Добрались до деревни Спас-Вилки поздним вечером; эти километры, наверное, черт кочергой мерил, уж больно они длинные” (Воробьев. Вчера была война).

К тому же компонент *кочерга* во фразеологизме *ни богу свечка ни черту кочерга* можно истолковать и как наименование любого орудия, которым мешают топливо.

Таким образом, можно согласиться с мнением Н.В. Коссек и Н.В. Алефиренко, которые связывают кочергу в данном обороте с чертом, разгребающим ею горящие головешки. Легкость связи в нашем сознании черта и кочерги есть одно из доказательств именно такой образной основы фразеологизма.

В русском языке, как уже отмечалось, интересующее нас выражение известно в разных вариантах: *ни богу свечка ни черту кочерга* (*ожег*; *огарыш*), из которых самым употребительным является первый. Обратим внимание на сему “обгорелый (обожженный)”. Именно она, с нашей точки зрения, является основной. На наш взгляд, в сознании диалектоносителей *ожег* – это прежде всего палка, используемая вместо кочерги, которая в силу своего назначения обгорела с одного конца, а не чадающая головешка. Ареал распространения существительного *ожег* с данной семантикой в говорах чрезвычайно широк. И вполне естественно, что на основе именно этого значения мог сформироваться фразеологизм, получивший широкое распространение в народной речи. Зафиксированный в СРНГ оборот *ни в баню ожог ни в избе клюка* говорит о том, “кто ни к чему не приспособлен, ничего не умеет делать” [5. Вып. 23. С. 73] и дает основание предположить, что ожег использовали в качестве орудия для перемешивания топлива в печи, обычно в бане, а кочергу (как более совершенное и дорогое, учитывая стоимость железа, орудие) – в доме. Тем более, что указанное в упоминаемом диалектном фразеологизме слово *клюка* в XVII–XVIII веках имело значение “кочерга”: “Таган круглой, да заслон печной железной две клюки железные, клещи большие. Арх. Стр. II, 969. 1638 г. Сварил клюку печную на воеводцкой двор. Кн. Расх. Хлын., 2. 1678 г.” [3. Вып. 7. С. 182]; “За сорваны куски ломают ноги Ухватами, клюками у Собак. Држ. III. 430” [12. Вып. 10. С. 63]. В пользу банного назначения *ожега* говорит также высказывание: «В Вятской губ. Хозяйка верхом на банной кочерге – “оже-

ге” – объезжала вокруг дома, зачерчивая его от татя, вора и лихого человека» [7. С. 641].

Использование в качестве жертвы черту не только кочерги, но и ожега можно объяснить еще и тем, что обычно именно бани (наряду с кузницами и мельницами) изобилуют чертями. Духа бани часто называли чертом, используя это слово как общее обозначение нечистой силы. «Часто коварный хозяин бани именуется крестьянами чертом (или бан-ным нечистым, шишком, анчуткой). Баня “уже прямо-таки обиталище чертей” – считали в начале нашего века в Ярославской губернии. Во владимирских деревнях, чтобы выгнать черта (прежде чем привести в баню роженицу), повивальная бабка бросала по углам камни с каменки со словами “Черту в лоб!”. В Новгородской области и сейчас популярны рассказы о том, как колдун “показывал шишка” (черта) в бане или как черт в бане обучал молодых людей игре на гармонии» [13. С. 45]. Таким образом, прежде всего функциональное сходство кочерги и ожега (служить для мешания топлива в печи) позволяет употреблять слова, служащие для называния данных предметов, в качестве варьирующихся компонентов в рассматриваемом нами обороте.

Казалось бы, существительное *огарыш* никоим образом не соотносится по значению со словами *кочерга* и *ожег*, выступающими в качестве наименования орудия для мешания углей, но это не совсем так. Слово *огарыш* используется для номинации не только недогоревшей свечи, но и для не до конца сгоревшего остатка любого другого предмета, в том числе и обгоревшей с одного конца палки (ср. с употребляемым в новгородских говорах существительным *огарки* “горелый лес” [14. Вып. 6. С. 125]): *о<б>жечь* – *ожег*, *о<б>гореть* – *огарок*, *огарыш*.

Почти подводит к разгадке происхождения интересующего нас оборота высказывание чеховского персонажа: “Красива ты, Аннушка, очень и богата, а уж как стукнет тридцать пять или сорок, только и веку твоего, пиши конец. Не слушай, брат, никого, живи, гуляй до сорока, а потом успеешь отмолить, – хватит времени поклоны бить, да саваны шить. Богу свечка, валяй и черту кочергу!” (Чехов. Бабье царство). Здесь, несомненно, имеется в виду, что богу – богоугодные дела, а черту – грехи.

В связи с версией В.М. Мокиенко возникает еще один вопрос: почему человек сравнивается с теми предметами, которые приносятся в жертву Богу и черту (пусть и ирреально), каково основание сравнения? Если бы интересующий нас фразеологизм имел только значение “посредственный, ничем не выделяющийся человек”, то такого вопроса могло бы и не возникнуть, но у данного оборота часто на первый план выходит характеристика человека, который не пригоден к делу: “Они дело делают... они, значит, и нужны, а мы... пусть черт сам разберет, на что мы? Ни богу свечка ни черту ожег” (Лесков. Островитяне); “[Лебедев:] В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как

только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. (Щелкает себя по шее.) Бывало, и бредешь, и философствуешь, пока язык не отнимется... А нынешние... (Машет рукой.) Не понимаю... Ни богу свечка ни черту кочерга" (Чехов. Иванов); "Где вам большевиков свергать? Вы – ни господу-богу свечки и ни дьяволу кочерга" (Асеев. Семен Проскаков); "Чудной это был поп. Прихожан не баловал, а самой богомольной Авдотье Салазкиной, пришедшей в разгар полевых работ за отпущением грехов, без обиняков сказал: – Катись ты к чертовой матери, старуха! Ты ни богу свечка ни черту кочерга. Работать в поле надо, иначе ты ни мне, ни всевышнему не нужна" (Семенихин. Космонавты живут на земле). Ср. со значением уже упоминавшегося нами диалектного фразеологизма *ни в баню ожог ни в избе клюка* "о том, кто ни к чему не приспособлен, ничего не умеет делать", а также с антонимичным русским диалектным оборотом *и богу свечка и черту кочерга* "человек на все руки", зафиксированным в череповецких говорах [5].

Исходя из указанного фразеологического значения, можно говорить о том, что в основе всех оборотов (как с *ни... ни...*, так и с *и... и...*) лежит указание на то, что нужно, необходимо Богу, а что – черту. Хороший и плохой источник света даже в качестве молитвенных атрибутов им, в общем-то, не нужен. Бог не нуждается в свете, так как сам дает его, а черта устраивает тьма (ведь нечистая сила "оживает" в самое глухое время суток). Свеча и обгорелая лучина более нужны самому человеку для умиловствования тех, кому они ставятся. А что же необходимо Богу и черту? С чем же сравнивается человек, получающий характеристику с помощью рассматриваемого оборота?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к древним верованиям. По мнению древних славян, когда человек умирал, душа его вылетала из горла и странствовала по земле до тех пор, пока сжигали тело; затем посредством священной стихии, огня, тело возрождалось в первоначальном виде, и душа снова соединялась с ним. Человек начинал новую жизнь, но уже не земную. Главное в человеке душа, тело лишь оболочка, потому что оно тленно, а душа вечна.

Не случайно в русском языке существительное *душа* издавна служило наименованием человека и создавало устойчивые сочетания: *ни одна (живая) душа; простая душа; родственная душа; добрая душа; заячья душа; чернильная (бумажная) душа; продажная душа; святая душа; соломенная душа* и т.п. За душой человека всегда охотилась нечистая сила, стараясь ввести его в грех, чтобы заполучить душу.

Уподобление души человека свече нашло свое отражение в памятниках письменности. Слово *свеща* в XI веке имело не только значение "свеча", но и "огонь, пламя": "Еще убо аще кождо нас таков ум приемлем, не потщимся исход[и]ти скоро из божиа храма, но внутрь пребыва-

ти... и б[о]га частыми своими м[о]литвами пременити и свещу свою д[у]шевную просвещати” [3. Вып. 23. С. 157]. В “Словаре XI–XVII вв.” лексема *свеща* зафиксирована и в качестве образного наименования сына как наследника и продолжателя рода.

Сравнение человека, его души, жизни со свечой широко распространено и в русской художественной литературе: “Не много уж ему осталось догореть;/ А жизненной свечи прибавить в вашей власти” (Княжнин. Чудаки); “Я над Ваней наклонилася,/ Покрестила, попрошалася./ И погас он, словно свечечка /Восковая, предыконная” (Некрасов. Орина, мать солдатская); “Всенощная служба больше утренней приятна мне была; к ночи трудом очищенные люди отрешаются от забот своих, стоят тихо, благолепно, и теплятся души, как свечи восковые” (М. Горький. Исповедь); “Конечно, иной человек живет светло, будто свеча горит, а болезнь возьмет за сердце и погасит, как ту самую свечу, жизнь человеческую” (Лаптев. Балаши) и т.д.

В народной речи встречаются ласкательные обращения к человеку, например, *свечушка*, *свеченька ты моя Боговая* [5. Вып. 36. С. 271], а также непосредственно название человека свечой – “Потухла свеча наша местная, Закатилось наше красное солнышко, Не стало млада Федора Ивановича!” [16. С. 58]; о сыне, отданном в солдаты, говорили, что он *рублевая свеча Богу*, а оборот *свечу Богу поставить* означал “отдать сына в солдаты” [5. Вып. 36. С. 271]; существует еще подобное выражение – *Мужик Богу свеча, государю слуга* [8. Т. IV]. Работа воспринималась как жертва, угодная Богу, а кто, как не мужик, больше всех работал в России! Непорочного человека или того, кто искупил свои грехи прежде всего непосильным трудом, называли свечой.

Душа грешника, а тем более самоубийцы, доставалась черту. «Человек, наложивший на себя руки, угоден черту, про такого говорили: “черту баран”, “дьяволу каша”, то есть жертва сатане» [16. С. 491]. Далее сообщается, что “на том свете черти ездят на самоубийцах, обратив их в лошадей или баранов, или мешают ими как кочергами угли в кострах” [С. 596]. Следовательно, существительное *кочерга* в момент возникновения фразеологизма выступала в своем привычном значении – орудие для разгребания горящих головешек. В результате мы имеем противопоставление прямого (свеча), правильного, праведного, хорошего, с одной стороны, и изогнутого (кочерга), кривого, грешного, плохого – с другой. Не случайно нечистый дух в говорах называется *кривой*, *чертенком*, *кривой вражонок*.

Итак, в основе возникновения фразеологизма *ни богу свечка ни черту кочерга* лежит противопоставление Бога и черта с их привычными атрибутами, являющимися олицетворением праведника и грешника. Отрицательная конструкция приводит к формированию характеризующего наименования для человека, который выступает как серединка на половинку, ни то ни се, как обычный земной человек, обитающий

между небом (раем) и подземным миром (адом), который не дотянул до того, чтобы стать свечой Богу, и не настолько грешен, чтобы выполнять роль кочерги для черта.

Литература

1. Руделев В.Т. Золотой корень. Необыкновенные истории русских слов. Тамбов, 1992.
2. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ять: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
4. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XIV.
5. Большая словарная картотека. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.
6. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965–.
7. Русский праздник: Праздники и обряды народного и земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981–1982.
9. Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003.
10. Тучков М.С. Военный словарь. М., 1818.
11. Шведова Н.В. Семантические особенности процессуальных фразеологизмов с компонентом “черт” // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Орел, 2005.
12. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–.
13. Власова М.Л. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.
14. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000.
15. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.
16. Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

Санкт-Петербург